

I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2024.36.221

Анна Кречмер

Венский университет, Австрия

ORCID: 0000-0001-9282-889X

e-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at

Когда начинается *Родина*? (О восточнославянском концепте РОДИНА в историческом аспекте)

When Does Homeland Begin? On the East Slavic Concept of HOMELAND in the Historical Context

Abstract: The central topic of this paper is the Slavic concept of HOMELAND in its historical aspect. It will be discussed here with the example of two East Slavic areas: the Moscow Russia and the Belarusian residents of the Grand Duchy of Lithuania. The time span covered is the later pre-national period, i.e. the 17th-18th c. In this context, more global questions are also addressed, concerning the differences between these two areas, as well the main characteristics of the Moscow culture that makes it substantially different from the European culture and worldview.

Keywords: HOMELAND; Moscow Russia; Belarusian culture; 17th-18th c.

В данной работе представлены некоторые размышления автора относительно диахронического плана концепта РОДИНА в двух регионах Славии – в Великом княжестве Литовском и в Московской Руси позднего донационального периода (XVII–XVIII вв.). Оба региона относятся к ареалу Православной Славии, чья письменная культура существенно отличалась от культурных моделей как неправославных славян, так и Европы в целом. Как известно, культура эта, кроме того, была весьма стабильна во времени и пространстве (ср. Толстой 1997; Kretschmer 2023). Менее исследована ее внутренняя дифференциация, ее вариативность –

ее мы и хотели бы представить здесь на примере названных двух восточнославянских регионов православного славянского мира. Нам удалось в ходе исследований установить, по крайней мере, два ее культурных прототипа, условно обозначаемых пока как *материковый* (видимо, бывший исходным для Православной Славии) и *островной* (ср. Кречмер 2022). Первый наиболее ярко представлен в поздней Московской Руси, второй же – у православных славян в чуждом окружении. Например, у восточных славян в польско-литовском государстве, а также у сербов, подданных империи Габсбургов. В рамках двух последних конгрессов по белорусистике автор имела возможность участвовать в работе их секций, занимавшихся анализом концепта *родина*. Так возник проект сопоставительного анализа этого концепта в отдельных регионах Славии – как Православной, так и неправославной. Обращение же к исторической перспективе вызвано сравнительно слабой его разработанностью – основное внимание исследователей, по понятным причинам, уделяется синхронному его плану или же новейшей истории (ср. Bartmiński 1989; Wierzbicka 1999).

Концепт РОДИНА, однако, в целом представляет весьма интересный предмет для исследования. Отдельные концепты могут иметь различную степень устойчивости, универсальности – или же, наоборот, вариативности, как в синхронном, так и в диахронном плане. *Родина* относится к последним, даже в синхронном аспекте и даже в пределах славянского мира. Вариативность здесь представлена в ряде параметров – кроме пространственного и временного, также в содержательном, интенциональном, в степени институционализации и т. д. В качестве рабочей гипотезы мы предполагаем, что наблюдаемые актуально различия в данном концепте во многом заданы различиями исторических контекстов соответствующих этносов, их культурных контекстов, отдельных регионов и эпох. Вопрос этот достаточно сложен и на материале концепта РОДИНА, насколько нам известно, пока не рассматривался. Детальный его анализ требует безусловно отдельного подхода и значительно более широкой базы исследования.

Здесь же мы хотели бы представить возможные подходы к исследованию диахронической перспективы концепта РОДИНА – на примере сопоставительного анализа двух названных выше регионов Восточной Славии в XVII–XVIII вв. Московская Русь и Великое княжество Литовское веками существовали и развивались в различных административных, культурных, языковых, конфессиональных и т. д. контекстах. Эти различия в конвенциональных исследованиях по исторической русистике, как советского, так и постсоветского периода, как правило, учитываются

недостаточно. Мы же рассматриваем их как весьма значимые и предполагаем, как уже было упомянуто, прямую причинно-следственную связь между различиями жизненных контекстов и различиями в мировоззрении и мировосприятии их социумов.

Адекватная реконструкция видения мира и самовосприятия человека и общества невозможна без адекватной эмпирической базы исследования – это еще одно центральное положение нашего метода. Основу такой базы представляет аутентичный и репрезентативный текстовый корпус, в первую очередь, сохранившийся текстовый материал из соответствующих периодов и регионов. Однако использованы могут быть также опосредованные источники, например, различные научные исследования, исторические труды и под. Мы не обладаем на данный момент действительно адекватным текстовым корпусом для всего интересующего здесь ареала, поэтому немалая часть наших постулатов имеет пока статус рабочих гипотез, требующих дальнейшей эмпирической проверки¹.

Для исторической перспективы концепта РОДИНА на данной стадии исследования важными представляются следующие вопросы:

1. На какой стадии общественно-исторического развития социума начинается формирование концепта РОДИНА?
2. Можно ли выделить особо значимые в этой связи факторы?
3. Меняется ли содержание концепта во временном и/или пространственном отношении?
4. Меняется ли восприятие концепта социумом во времени в отдельных регионах?

Список этот носит предварительный характер и может модифицироваться в ходе исследования. На основании уже полученных результатов можно сформулировать следующие предположения:

1. Инварианта концепта РОДИНА в синхронном плане, видимо, не существует. Здесь имеют место значительные расхождения и в списке параметров, и в их иерархии, и в статусе концепта в общей картине мира социума – даже в рамках европейского континента.
2. Концепт формируется в разных регионах Европы с большой разбивкой во времени.
3. Формирование может при этом быть скорее спонтанным (эволюционное развитие) или, напротив, заданным «сверху», властями преде-

¹ Применяемый (и, во многом, разрабатываемый еще) нами метод базируется на принципе моделирования (дескриптивного его уровня) и опирается в определенной степени на т. н. *герменевтический круг познания* в понимании В. Штегмюллера (ср. Stegmüller 1975). Рассмотрение методологического аппарата исследования выходит, однако, за тематические рамки данной работы (ср. Кречмер 2013).

- жащими (прескриптивная – и оценочная – имплементация в сознание общества).
4. Концепт формируется в целом относительно поздно. Это обусловлено спецификой мировосприятия, видения мира в христианской Европе донационального периода. Доминантами (само)восприятия человека и общества в это время были, видимо, региональный, конфессиональный и языковой параметры². Какую роль играла принадлежность к определенному культурному ландшафту, пока сказать трудно. Это требует дальнейших исследований.³
 5. Можно предположить определенную корреляцию между процессом формирования концепта *родина* в его современном облике и процессом формирования национального сознания – значимость которого как параметра идентичности поступательно растет.
 6. Современное содержание концепта *родина* привязано, как правило, в сознании к конкретному государственному образованию и характерно для периода достаточно развитого национального сознания. В более же ранние периоды (и у меньшинств, не относящихся к государствообразующему этносу) концепт имел (имеет) скорее региональную (или трибальную) привязку.

Вопрос о составляющих концепта (план его содержания) и их изменении во времени пока остается открытым.

Рассмотрим, с учетом представленных выше рабочих положений, оба интересующих здесь восточнославянских ареала в XVII–XVIII вв. Для Московской Руси это период глобальной смены жизненного контекста – от государственного устройства и до образовательной системы. В начале его – угасание династии Рюриковичей и катаклизмы Смутного времени. Смута расшатала самые основы Московского государства и едва не закончилась его крахом и чуждым владычеством – однако закончилась она победой над захватчиками и интронизацией новой династии Романовых. Следующие десятилетия также были довольно бурными, особенно

² О статусе этих параметров и их возможной (и даже вероятной) иерархизации в сознании того времени пока трудно сказать что-то определенное. На уровне рабочей гипотезы мы предполагаем следующую иерархию в сознании (по нисходящей): *региональная – конфессиональная – языковая принадлежность*.

³ Кроме прочего, здесь при моделировании нужно будет учитывать культурный плюрализм неправославной Европы, в котором социальная детерминанта играла большую роль. Здесь были представлены различные субкультуры – придворная, городская, рыцарская, школярская, крестьянская и т. д. Культура же, например, Московской Руси не имела такой социально детерминированной расслоенности и была в значительной степени единой для всех слоев общества. Этот вопрос требует, однако, отдельного рассмотрения.

в отношении внутренней жизни государства – бунты происходили едва ли не ежегодно. Но доминантой все же скорее было созидание – консолидирующая деятельность первых Романовых, как во внутренней, так и во внешней политике. Одним из важных ее результатов явилось возникновение весьма обширного и развитого управленческого аппарата и чиновнического (преимущественно гражданского) сословия, а также поступательное расширение государства как на восток, так и на запад⁴. Деятельность первых Романовых подготовила почву для глобальных реформ царя-преобразователя Петра I в начале XVIII в., в результате которых в конце рассматриваемого здесь периода старую автаркическую Московскую Русь сменяет достаточно уже консолидированная и европеизированная (хотя и поверхностно) Российская империя, детище Петра. То, что европеизация была действительно скорее наносная, поверхностная, подтверждают многочисленные источники того времени – от популярных в этом веке мемуаристики и различного рода «Записок»⁵ и до комедий Крылова, Сумарокова и Фонвизина, отражавших в сатирическом ключе мировоззренческию парадигму русского общества того времени, причем преимущественно привилегированных его слоев. Расширение, укоренение, внедрение европеизации начинается не ранее екатерининского времени.

Достаточно глобальные изменения происходили в эти два века и в польском государстве, в состав которого входил ареал Великого княжества Литовского. Но эти изменения носили иной характер – для мультиэтнического польского королевства это время стагнации, а затем поступательного расшатывания центральной власти, начало распада государственных структур и самого государства, чьи восточные земли уже в XVII в. постепенно переходят под власть России. Завершается этот период тремя разделами Польши в последней четверти XVIII в., земли которой делят между собой страны-победители – Австрия, Пруссия и Россия.

Анализ плана содержания концепта РОДИНА в этих регионах в названный период находится пока в начальной своей стадии, но уже дал интересные результаты. Нами был сформулирован рабочий список значимых параметров (который в ходе исследования может быть расширен

⁴ Последнее каузально связано с т. н. *3-м церковнославянским влиянием* – влиянием на позднюю Московскую Русь культурной парадигмы восточных славян вне ее границ. О нем еще в 1980-е гг. писал Б. А. Успенский (Успенский 1983: 84–99), но в работах советских и российских исследователей оно до сих пор практически не рассматривается – или даже отрицается (ср. Николаева 2006, 2008).

⁵ Ср., например, автобиографические записки кн. Бориса Куракина, Суворова, Андрея Болотова и др. (ср. Русские мемуары 1988; Приказчикова 2006).

и/или изменен), которые апплицируются на текстовый корпус. К ним для рассматриваемого здесь позднего донационального периода мы относим: (1) государственность, а также (2) конфессиональную, (3) трибальную, (4) региональную и (5) языковую принадлежность⁶.

Выше уже указывалось на исключительную значимость текстового корпуса для исследования – как его эмпирической базы и инструмента для верификации (фальсификации) предпосылок и рабочих гипотез. Адекватный корпус должен максимально объективно отражать жизненные контексты исследуемых регионов и периодов. Поэтому определенные типы текстов в него не включаются – как, например, сакральная письменность, или представлены лишь в периферийной его зоне – как, например, собственно беллетристика,⁷ и официальные разновидности деловой письменности – с заданными формулярником и тематическим репертуаром. В идеале корпус должен содержать аутентичные данные, в которых представлены обе перспективы – и взгляд «изнутри» (самовосприятие социума) и взгляд «извне» (т. е. восприятие данного социума и ареала людьми, к ним не принадлежащими). Мы уже указывали на то, что на данный момент такой корпус в нашем распоряжении имеется лишь в ограниченной степени – и преимущественно в отношении поздней Московской Руси. Это обширный корпус частной переписки, охватывающий период почти в полтора века (1603–1731 гг.) – более тысячи писем, отправителями и получателями которых были жители разных регионов и разных слоев Московского государства. Лишь абсолютные верхи (царское семейство) и низы (крепостное крестьянство) общества представлены в нем маргинально⁸.

Концепт РОДИНА в этом корпусе не лексикализован, даже как парафраза, и не представлен на содержательном уровне. Это может указывать, кроме прочего, на маргинальный статус (вплоть до отсутствия) концепта в шкале ценностей и параметров идентичности тогдашнего русского общества. Показательно также отсутствие в корпусе параметра⁹

⁶ Список параметров также может быть модифицирован и оптимизирован в ходе анализа корпусной базы на основании уже полученных данных.

⁷ При этом следует учитывать, что беллетристика в современном ее восприятии, с доминантой эстетической и формальной функций знака в рассматриваемый здесь период практически не была еще представлена в Православной Славии. И вне ее, в неправославных ареалах Европы она в эпоху барокко и особенно Просвещения была представлена слабее, чем в более позднее время. В неутилитарной светской письменности в XVII–XVIII вв. доминирует морализаторская, дидактическая интенциональность. Эта литература призвана поучать – не развлекать (этим занимается преимущественно устная народная культура).

⁸ Детальный анализ этого корпуса дается в (Kretschmer 1999).

⁹ Можно ли применительно к *государственности* говорить о концепте – отдельный

государство / держава. Он (и довольно слабо) представлен только по линии служебной – т. е. относительно обязанностей подданного, к которым государство его принуждает. Эмоциональная же связь и с *родиной*, и с *государством* практически полностью отсутствует.

Показательно также отсутствие в корпусе этнонимов и глоттонимов – если они и употребляются (что представляет достаточно редкое явление), то только относительно иностранцев и инородцев. Функцию же маркеров принадлежности выполняют названия регионов и/или земельных владений и имена владельцев. Это может указывать на характерную для тоталитарных обществ замкнутость представления о пространстве, в котором отсутствует «внешний» мир¹⁰. Интересно, что этно- и глоттоним *рус-* в корпусе не представлен даже в письмах послепетровского времени (за исключением весьма редких случаев его употребления в составе титулатуры московских царей и под.). Доминантами же идентичности в парадигме сознания Московской Руси выступают – по данным корпуса – родственные связи (в широком понимании – на уровне семьи-рода). Центральную роль в сфере интересов, в жизненном контексте практически всех слоев русского общества играют хозяйственные интересы – это абсолютная тематическая доминанта корпуса.

Сопоставимого первичного текстового корпуса для Великого княжества Литовского этого периода в нашем распоряжении пока нет. Мы используем поэтому вторичные, опосредованные источники. К ним относятся, например, обширные аутентичные тексты из прошлых эпох, приводимые в «Истории России с древнейших времен» Сергея М. Соловьева (Соловьев 1989). Интересные и важные первичные данные содержатся также в работах Александра С. Мыльникова (Мыльников 1996, 1999) и одного из крупнейших славистов XX в. Никиты И. Толстого (ср. список литературы). Хочется надеяться, что в обозримом будущем в распоряжении исследователей появится репрезентативный текстовый корпус Великого княжества Литовского интересующего здесь периода. Однако, и названные опосредованные источники позволяют некоторые предположения и заключения. Земли Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой в рассматриваемый период четко выделяются как «изнутри» – в восприятии ее подданных, так и «извне» (например, в восприятии Московской Руси и иностранных историков). Обозначение *Белая Русь* встречается редко, территориальная детерминанта базируется преимущественно на корне *лит(о)в-* (регулярно – при обозначении

вопрос, требующий особого рассмотрения.

¹⁰ Детальный анализ парадигмы сознания тоталитарного советского общества дается в (Купина 1995 и 1999).

государственного образования: *Литва*). Этноним *белорус-* в корпусе не представлен, как и самоназвание *литвин* для восточных славян в составе Великого княжества Литовского. Для обозначения этнических литовцев (достаточно, впрочем, редкого в нашем корпусе) применяется преимущественно трибальная номенклатура (например, *жемойты / жемайты* и под.). Можно предположить, что формирование этнического сознания литовского этноса в исследуемый период еще не было завершено. Доминантой литовской идентичности в это время остается региональная и привязанная к ней трибальная принадлежность.

Для восточнославянских же подданных Великого княжества Литовского доминантами идентичности выступали параметры языковой (включаящий как идиом, так и письменные языки) и конфессиональный (принадлежность к православию – введению униатства долгое время оказывалось активное сопротивление). «Извне» Великое княжество Литовское воспринималось преимущественно именно по признаку государственности, не этническому. Но здесь еще многие вопросы остаются открытыми¹¹.

Подводя предварительные итоги, можно предположить, что в рассматриваемый период сопоставимого с современным концепта *родина* у восточных славян – вне зависимости от региона – видимо, еще не было. На великорусских территориях он формируется, судя по данным корпуса, только в послепетровское время – этот процесс каузально связан с усилением российского государства во второй половине XVIII в. Привязанность к фактору государственности определяет неравномерность и большую временную разбивку в имплементации этого концепта в сознание социума. Исходной точкой при этом являются социально активные и высшие круги общества, близкие к царскому двору, преимущественно мужчины (высшее чиновничество и офицерство).

Значимый фактор представляет, на наш взгляд (пока в статусе рабочей гипотезы), отсутствие и в Московской Руси и в Российской империи института города, и, как следствие, отсутствие сопоставимой с европейской урбанной культуры и гражданского (и, в целом, среднего) класса, выступавшего в Европе как двигатель прогресса и питательная среда гражданского сознания. Для концепта РОДИНА в великорусском ареале изначально были существенными государственная и конфессиональная принадлежность (в облике православия). Все это значительно замед-

¹¹ Например, насколько в Московской Руси осознавалась этническая дифференциация внутри Великого княжества Литовского. Иными словами, различали ли (и по каким параметрам) в Московском государстве жителей Литвы различной этнической принадлежности.

ляет формирование концепта в российском социуме. В данной связи следует упомянуть, что жизненный контекст поздней Московской Руси по ряду признаков отличался от современных ему европейских, в т. ч. и славянских. К этим отличиям можно отнести:

- отсутствие города и урбанной составляющей культуры;
- отсутствие гражданского сословия и, как следствие, отсутствие гражданского сознания;
- отрицательное отношение к формальному знанию и образованию – и, как следствие, отсутствие институционализированной системы школьного образования, сравнимой с европейской;
- осозанный и намеренный автаркизм.

Развитие же белорусского этноса в данный период происходило в весьма отличном от русского контексте. Здесь можно констатировать поступательное культурное расслоение: белорусские народные массы имеют статус меньшинства в чуждых мажоритарных окружениях – польском и русском; социальные же верхи белорусского этноса поступательно полонизируются¹². В отличие от украинской социальной и интеллектуальной элиты, русификация в белорусской представлена относительно слабо. В целом же процесс формирования этнического белорусского сознания был сильно затруднен неблагоприятным общим социополитическим контекстом. В рассматриваемый здесь период доминантой идентичности, наряду с конфессиональным и языковым параметрами, была, видимо, принадлежность к Великому княжеству Литовскому (т. е. разновидность региональной детерминанты)¹³.

Наш обзор исторической перспективы концепта РОДИНА ограничен двумя восточнославянскими регионами – великорусским и белорусским. База исследования безусловно должна быть расширена. В первую очередь, необходимо включить в нее украинскую составляющую. Анализ ее предположительно будет более комплексным – в силу более выраженной ее гетерогенности. Отдельные регионы этого этноса принадлежали в разное время к разным государственным образованиям, с разными мажоритарными языками и культурами; здесь в целом более ярко выделяются различные культурные ландшафты; особо следует рассматривать весьма своеобразное явление казачества – и т. д. Исследования и здесь затруднены отсутствием адекватной корпусной базы. В дальнейшем

¹² Показательно, что конфессиональный фактор при этом имеет относительно небольшую значимость – магнаты Великого княжества Литовского могли быть и православными и католиками, а также менять конфессию, переходя в католичество, униатство или протестантизм.

¹³ Укажем в данной связи на интересные данные в (Legomska 2010; Newiara 2003).

в анализ безусловно должны быть включены и другие регионы Славии. Весьма важным представляется также анализ содержания и развития концепта РОДИНА в Православной и в т. н. Латинской Славии – как сравнительный, так и внутри обоих этих славянских культурных миров – в разных их регионах и в разные периоды. И, конечно, в анализ должны быть включены и другие значимые концепты¹⁴.

Выше неоднократно указывалось на важность текстового корпуса для реконструкции сознания и видения мира в прошлом. Такой корпус, к сожалению, далеко не всегда имеется в распоряжении исследователя, но может быть в определенной степени заменен опосредованной корпусной базой – преимущественно историческими и культурологическими работами. Важно, чтобы и они, как и первичные тексты, максимально адекватно отражали действительность прошедших эпох. При исследованиях по культурно-языковой истории старой Восточной Славии мы используем, кроме прочего, «Историю России с древнейших времен» Сергея М. Соловьева. Выбор этот не случаен – метод Соловьева базируется на дескрипции, он стремится к объективности изложения, избегает суггестии и включает в свои работы большое количество фрагментов (нередко довольно крупных) из аутентичных текстов описываемых периодов и регионов. Кроме того, в его «Истории», начиная с пятого ее тома, последовательно освещается т. н. Западная (Юго-Западная) Русь – как социополитическая ее история, так и поликонфессиональный, полиэтнический и мультикультурный контекст.

Очень интересные данные содержат также работы Никиты И. Толстого о формировании этнического сознания у славян, начиная с древнейшего периода (см. список литературы). Не имея возможности останавливаться здесь на них ближе, ограничимся лишь несколькими замечаниями. Идея, осознание славянского единства – явление глубокой древности. Уже в начале XII в. летописец Нестор воспринимает славян как единый этнос с особым языком и специфической письменностью (Толстой 1993: 55–56). Толстой формулирует иерархическую модель этого (само)сознания в донациональный период. Высшим при этом является (1) общеславянский уровень, за ним следуют уровни (2) этнической (генетической) семьи, (3) этнический (народный) и (4) племенной (трибальный). На высшем уровне представлены оппозиции типа *славяне – влахи* (авары, половцы и под.). Далее, по нисходящей – оппозиции типа *чехи – мораване (сербы)* и под.; трибальный же уровень отражен в известном списке восточнославянских племен в «Повести временных лет»

¹⁴ Выбор их и последовательность их изучения (т. е. своего рода иерархия значимости) представляют сложную задачу, особенно в диахронической перспективе.

(там же: 57)¹⁵. Осознавая важность конфессиональной детерминанты в самосознании человека донационального периода, Толстой добавляет и ее в градацию *племя – народ – этническая семья* (там же: 58–61)¹⁶.

Иному, также весьма интересному и в отношении концепта *родина* аспекту – взгляду на Русь «извне», глазами иностранцев – посвящена работа „*Два иностранных свидетельства XVI в. о славянах, русских, о церковнославянском и русском языке*“ (Толстой 1990). В ней анализируются труды польского историка Матея Меховита (Маховского) (1457–1523) и итальянца Антонио Поссевино (1534–1611). Оба – католики, Поссевино – первый иезуит, посетивший Москву, посланец папы римского. Обоих можно отнести к знатокам славянства – Меховит был автором известной истории Польши, Поссевино – дипломат, хорошо знавший и польское государство и Московскую Русь¹⁷.

Тема славянского единства и его рецепции является центральной в фундаментальных монографиях «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы (этногенетические догадки, легенды, протогипотезы XVI – начала XVIII века)» (Мыльников 1996) и «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы (представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века)» (Мыльников 1999). В них рассматривается взгляд на славянство как «изнутри» – ось славянского самосознания, так и «извне» – видение Славии иностранцами. Культурологическая концепция Мыльникова опирается на историсофские идеи Шпенглера и *этническую (этнокультурную) имагологию*. Методологическую основу подхода представляет по словам его автора

¹⁵ При этом указывается на то, что понятие *Русь* у Нестора относится скорее к уровню государственному, чем этническому. Как известно, атрибуция этого понятия и сегодня – одна из нерешенных болевых точек научной дискуссии. Ср. также анализ этнического и религиозного сознания Нестора в (Живов 2002).

¹⁶ Весьма интересны указания в данной связи на смешение национальной (этнической) и вероисповедной принадлежности, ср.: ‘сербская вера’ как православие; русское *крестьянин* (христианин) и др. (там же). Согласно Толстому, этот параметр – тесно связанный с языковым (т. е. цсл. как языком славянского православия) – постоянно присутствует в мироозренческой системе православного славянства, а тема защиты своего, конфессионально детерминированного письменного языка остается актуальной в контексте средневековой славянской полемики о ‘трязычной ереси’. В целом, формирование старославянского (цсл.) и его письменности Толстой рассматривает как исключительно важный импульс для развития и формирования славянского самосознания – несмотря на то, что осознание славянского единства существовало и ранее.

¹⁷ Интересно, что Поссевино пытался найти пути перехода восточных славян в католичество – через посредство т. н. Западной Руси, находившейся под властью католического польского короля. Это показывает, что он был знаком с упомянутым выше 3-м цсл. влиянием.

принцип «этнопсихологического вживания». Исследование преследует при этом двоякую цель:

1. реконструкцию представлений о «возникновении славянской суперэтнической общности (этногенез 1-го уровня) и ее дифференциации на отдельные этносы (этногенез 2-го уровня)»;
2. анализ (научных) представлений прошлого об этнонимии и этничности славянства и соответствующих культурных стереотипах (Мыльников 1996: 9–10).

Корпус, на который опирается Мыльников, составляют преимущественно исторические труды XVI – начала XVIII вв., т. е. аутентичные свидетельства прошлого. Поэтому мы используем и его работы в качестве опосредованной корпусной базы наших исследований. Не останавливаясь здесь далее на этих безусловно заслуживающих интереса трудах, позволим себе несколько замечаний относительно состава используемого в них корпуса – поскольку это непосредственно связано с постулируемой нами спецификой парадигмы мироосознания и жизненного контекста в Московской Руси (ср. в.) и т. о. значимо и в отношении концепта *родина*. Так, в корпусе Мыльникова практически полностью отсутствуют источники из Московской Руси. И это не случайно – историография в Восточной Славии в этот период представлена практически только в регионах, относившихся к т. н. (Юго-)Западной Руси. Отсутствие историографии – лишь один из упомянутых выше маркеров специфики видения мира в Московской Руси, которые в сумме детерминировали ее сущностные отличия от мировоззренческих систем других социумов, в т. ч. славянских.

В фокусе нашей работы – сравнительный анализ лишь двух, по ряду параметров полярных культурных ландшафтов одного региона – Восточной Славии. До распада Киевской Руси он был единым культурным пространством, в последующие же эпохи развитие в его регионах шло весьма различными путями. Определенная ограниченность анализа является, на наш взгляд, в методологическом аспекте обоснованной и необходимой, особенно когда речь идет о столь комплексных темах и предметах исследования. И особенно в начальной стадии исследование следует проводить «посегментно» и поэтапно – включение слишком большого числа разнородных факторов и параметров может привести к нежелательной дискретности, размытости анализа и его результатов.

В заключение еще раз укажем на то, что представленные нами здесь положения и постулаты суть рабочие гипотезы, нуждающиеся в дальнейшей эмпирической проверке на максимально широком текстовом корпусе, охватывающем в идеале весь временной и пространственный

диапазон Славии. Такой подход поможет, на наш взгляд, решить хотя бы некоторые открытые вопросы ее истории, которых пока еще довольно много.

Литература¹⁸

- Живов Виктор М., 2002, *Об этническом и религиозном сознании Нестора Летописца*, [в:] Живов Виктор М., *Разыскания в области истории и преемственности русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, с. 170–186.
- Кречмер Анна Г., 2013, *Вопросы методологии исследования достандартноязыковой (славянской) письменности*, [в:] *Современные направления исследования и преподавания славянских языков*, ред. Елена С. Суркова, Елена Н. Руденко, Международная научная конференция «VIII Супруновские чтения» (Минск, 21–22 сентября 2012 г.), Сборник научных статей, Минск: РИВШ, с. 113–122.
- Кречмер Анна Г., 2015, *Православные славяне в неправославном окружении – проблемы культурно-языкового идентитета*, [в:] *Языковой контакт*, ред. Никита В. Супрунчук, Минск: РИВШ, с. 101–110.
- Кречмер Анна, 2022, *О реконструкции мирозерцания Православной Славии на пороге Нового времени (подход от текста)*, [в:] *I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny*, t. 3. *Pamięć – tożsamość – kategorie językowo-kulturowe*, red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Marta Nowosad-Bakalarczyk, Przemysław Łozowski, Lublin: Wydawnictwo UMCS, s. 131–144.
- Купина Наталья А., 1995, *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*, Екатеринбург–Пермь: Изд. Уральского университета.
- Купина Наталья А., 1999, *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Мыльников Александр С., 1996, *Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы*. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века, Санкт-Петербург: Изд-во РАН.
- Мыльников Александр С., 1999, *Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы*. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века, Санкт-Петербург: Изд-во РАН.
- Николаева Татьяна М., 2006, Языковая ситуация в начальный период формирования русской нации, „*Ученые Записки КазГУ*“, Гуманитарные науки, 148/2, с. 119–127.
- Николаева Татьяна М., 2008, Нерешенные проблемы истории русского литературного языка, „*Ученые Записки КазГУ*“, Гуманитарные науки, 150/6, с. 266–276.
- Приказчикова Елена Е., 2006, *Русская мемуаристика XVIII – первой трети XIX века: имена и пути развития*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Русские мемуары*, 1989, Москва: Изд-во „Правда“.
- Соловьев Сергей М., 1989, *История России с древнейших времен*, Москва: Мысль“, тт. 5–19.

¹⁸ Автор приносит свою благодарность рецензентам за важные библиографические данные, которые были частично интегрированы в данную работу.

- Толстой Никита И., 1982, *Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян*, [в:] *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*, Москва: Наука, с. 236–247.
- Толстой Никита И., 1989а, *Этническое и культурное самосознание сербов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII–XIV вв.*, [в:] *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*, Москва: Наука, с. 117–129.
- Толстой Никита И., 1989б, *Этническое и культурное самосознание хорватов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII–XIV вв.*, [в:] *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*, Москва: Наука, с. 152–164.
- Толстой Никита И., 1990, *Два иностранных свидетельства о славянах, русских, о церковнославянском и русском языке*, [в:] *Язык: система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова*, ред. Марина Я. Гловинская, Елена А. Земская, Москва: АН СССР, с. 265–280.
- Толстой Никита И., 1993, *Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора „Повести временных лет“*, [в:] *Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти Г. А. Хабургаева*, ред. Борис А. Успенский, Мария Н. Шевелева, Москва: МГУ, с. 4–12.
- Толстой, Никита И., 1997, *Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации*, „Вопросы языкознания“, № 2, с. 16–23.
- Толстой Никита И., 1998, *Язык – словесность – культура – самосознание*, [в:] Никита И. Толстой, *Избранные труды*, т. II, Москва: Языки русской культуры, с. 10–21.
- Успенский Борис А., 1983, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. IX Международный съезд славистов. Доклады*, Москва: Изд-во МГУ.
- Bartmiński Jerzy, 1989, *Jak biegną drogi ojczyzny?*, „Ethos“, 5, s. 165–171.
- Bartmiński Jerzy (red.), 1993, *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich*, Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- Kretschmer Anna, 1998, *Zur Geschichte des Schriftrussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts*, Specimina Philologiae Slavicae, Suppl. 62, München.
- Kretschmer Anna, 2023, *Культурная традиция Православной Славии в трудах Н. И. Толстого*, „Romanoslavica“ LIX/2, s. 51–73
- Legomska Julia, 2010, *Państwo, naród, ojczyzna w dawnej polszczyźnie. Leksykalno-semantyczny opis pojęć*, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Niewiara Aleksandry, 2003, *Inni w oczach wojowników sarmackich – o stereotypie narodowości w XVII wieku*, [w:] *Śląskie studia lingwistyczne*, red. Krystyna Klezczowa, Joanna Sobczykowa, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, s. 115–122.
- Stegmüller Wolfgang, 1975, *Der sogenannte Zirkel des Verstehens*, Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, s. 63–88.
- Wierzbicka Anna, 1999, *Słownik kluczem do historii i kultury. „Ojczyzna” w językach niemieckim, polskim, rosyjskim*, [w:] *Język – umysł – kultura*, red. Jerzy Bartmiński, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe. PWN, s. 450–48.

Kiedy zaczyna się ojczyzna?**O wschodniosłowiańskim koncepcie OJCZYŻNA w aspekcie historycznym**

Streszczenie: OJCZYŻNA należy do konceptów o dużej zmienności i w związku z tym trudniejszych do badania. Ponadto powstał on na ogół dość późno i stanowi zjawisko z okresu głównie narodowego. Jego perspektywa historyczna została dotychczas stosunkowo słabo zbadana. Głównym tematem artykułu jest analiza porównawcza konceptu OJCZYŻNY w późnym okresie przednarodowym na dwóch obszarach wschodniosłowiańskich, różnych pod względem globalnych kontekstów życia i paradygmatów kulturowych – to Ruś Moskiewska i Wielkie Księstwo Litewskie (jego ludność białoruska) w XVII–XVIII ww. Autorka dotyka także metodologicznych aspektów badania zarówno tego konceptu, jak i diachronicznej perspektywy badania konceptów w ogóle. Szczególną uwagę zwraca także na specyfikę światopoglądu i konceptualizacji rzeczywistości na Rusi Moskiewskiej, która różni się nie tylko od zachodnioeuropejskiego, ale także od słowiańskiego i od innych obszarów prawosławnych Słowian. W tekście poruszane są również kwestie adekwatnego korpusu tekstowego jako niezbędnej podstawy empirycznej badań.

Słowa kluczowe: koncept ojczyzny; Ruś Moskiewska; kultura białoruska; XVII–XVIII w.